УДК 929.5

Л. В. Тимофеев

Вокруг прототипа Митрофанушки Дениса Фонвизина

Успех комедии «Недоросль» был решительный <...>. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют еще и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случалось встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки,* то есть будто служившими образцом Фон-Визину. Вероятно, предание ложное, но и в самых ложных преданиях есть некоторый отголосок истины.
П. А. Вяземский[1]

Бабушка моя сказывала мне, что в представлении «Недоросля» в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и следств[енно] видели перед собою близких и знакомых, свою семью.
А. С. Пушкин[2]

Более полувека после появления комедии на театральной сцене П. А. Вяземский (1792–1878) отмечал жизненность именно «провинциальных преданий» о находящихся в их среде «подлинниках» персонажей пьесы. О том же сказано и у А. С. Пушкина по рассказам М. А. Ганнибал, бабушки поэта по материнской линии.

[1] *Вяземский П. А.* Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 221. Первая публикация — в 1848 г.

[2] *Вацуро В. Э.* Пометы Пушкина на книге Вяземского // Временник Пушкинской комиссии, 1964 / АН СССР. Отд-ние лит-ры и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука ЛО, 1967. С. 19. Помета сделана на рукописи книги о Д. Фонвизине в 1832 г.

Л. Н. Трефолев (1839–1905), ярославский поэт и краевед, подтвердил эти наблюдения своим примером: тип Митрофанушки срисован с «барчука, обитавшего близ Ярославля <...> Пребывание же Фон-Визина в Ярославской губернии доказывается документами, хранящимися в подростовском селе Угодичах, о чем писал г. Лествицын в "Яросл. Губ. Ведомостях"»[3].

Однако самой привлекательной, а потому и устойчивой оказалась связь образа Митрофанушки не с провинциалом, а с членом Российской академии, почетным членом Императорской Академии наук, первым директором Императорской Публичной библиотеки, президентом Императорской Академии художеств, покровителем искусств и талантов А. Н. Олениным (21.11.1764–17.04.1843).

Виновник распространения этого предания, опубликованного в 1861 г. под псевдонимом Петербургский Старожил, — плодовитый прозаик и автор книг для детей В. П. Бурнашев (1810–1888).

Бурнашев писал о том, что он стал случайным слушателем рассказа литератора А. Е. Измайлова об А. Н. Оленине, повстречавшемся им в Летнем саду: «А знаете ли,— сказал Измайлов своему спутнику,— что до восемнадцатилетнего возраста этот друг наук и искусств был величайшим невеждою, воспитанный матерью, послужившею Фонвизину для портрета Простаковой, тогда как сынок ее был оригиналом знаменитого Митрофанушки, героя комедии "Недоросль" <...> Не будь у Оленина дяди, фамилию которого он произнес невнятно, Оленин и поныне остался бы Митрофанушкой, покрытым сединами; но дядя выхватил мальчика у баловницы матери и, заметив в нем счастливые способности, дал ему самое дельное и блестящее воспитание. Уверяют даже, будто комедия "Недоросль", увиденная Олениным в молодых летах, но когда он жил уже у дяди, произвела сильное впечатление на молодого человека и заставила его приняться за ученье и бросить голубятничество и страсть к бездельничанью».

Для придачи рассказу большей достоверности Бурнашев сослался и на другие известные ему источники этой легенды: «С тех пор как мне удалось услышать от покойного баснописца и сказочника Измайлова эту любопытную биографическую черту, прошло много лет, но я потом слышал подтверждение слуха, что Оленин был оригиналом Митрофанушки, от умного и просвещенного человека, узнавшего этот факт от одного из наших академиков, недавно умершего»[4].

Публикация Бурнашева не нашла отклика у еще живущих и близких когда-то к дому Оленина современников. И только спустя 16 лет, по поводу Оленина-Митрофанушки и сочинителя откровенно язвительно высказался упомянутый выше Л. Н. Трефолев: «Насколько это верно, и возможно ли перерождение

[3] *Трефолев Л. Н.* Ярославль при императрице Елизавете Петровне // Древняя и новая Россия. 1877. № 3. С. 287.

[4] [*Бурнашев В. П.*] Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина // Иллюстрация. 1861. Т. 7; № 158; 23 февр. С. 126.

Митрофанушки в такого образованного человека, каким был Оленин, предоставим решить самому г. Петербургскому Старожилу, который подарил русскую литературу хотя и любопытными, но, по большей части, сомнительными “Воспоминаниями”»[5]. Других откликов обнаружить не удалось. Отсутствуют они и в архивах Олениных, где хранятся воспоминания дочерей Алексея Николаевича — В. А. Олениной (1802–1877) и А. А. Андро (1807–1888).

Спустя 80 лет после появления на сцене фонвизинской комедии (1782 — в Петербурге, 1783 — в Москве и т.д.), для подтверждения или отвода бурнашевского сообщения требовалось уже обращение к биографии самого «прототипа», однако... М. И. Семевский был вынужден отметить, что этому государственному деятелю эпохи Александра I «доныне еще не уделено места даже ни в одном из наших справочных энциклопедических словарей — явление в высшей степени странное, не делающее чести составителям этих словарей». В его биографической справке сведения о детстве и отрочестве Алексея Николаевича оказались предельно лаконичными: «...родился в 1763 году. Образование получил за границею, именно в Страсбургском университете и в Дрезденском артиллерийском училище»[6].

Н. И. Стояновский (зять В. А. Олениной), занимавшийся систематизацией архива А. Н. Оленина, сообщил, что родился Алексей Николаевич 21 ноября 1763 г. Его родители — статский советник Николай Яковлевич Оленин (скончался в 1802 г.) и Анна Семеновна, дочь генерал-аншефа князя Семена Федоровича Волконского (скончалась в 1812 г.) — жили в Москве. До 10-летнего возраста Алексей находился при родителях, а в 1774 г. «отослан к своей родственнице, известной княгине Екатерине Романовне Дашковой, у которой на него обратила внимание Императрица Екатерина II. По ея повелению Оленин записан в 1774 году в Пажеский корпус, а в 1780 отправлен в Дрезден для обучения воинским и словесным наукам в тамошней Артиллерийской школе, где и находился с 1780 по 1785 год»[7].

Однако родился Алексей Николаевич не в 1763 г., а 21 ноября 1764 г., о чем свидетельствуют его письма разных лет[8]. До 10-летнего возраста мальчик нахо-

[5] *Трефолев Л. Н.* Указ. соч. С. 287.

[6] *Семевский М. И.* Алексей Николаевич Оленин. 1763–1843 // Рус. старина. 1875. Т. 14; № 10. С. 280. По-видимому, сведения об учебе А. Н. Оленина за границей были получены от В. А. Олениной.

[7] *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1. СПб., 1881. С. XV–XVI.

[8] Выдержки из двух писем я использовал в книге: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. С. 254. 9 писем и другие документы включены в статью: *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 15–17. На контрдоводы О. Д. Голубевой в кн. «Хранители мудрости» (М.: Кн. палата, 1988. С. 7, 235), В. М. Файбисовича в статье «Николай Яковлевич или Матвей Федорович? Обстоятельства рождения А. Н. Оленина» (в кн.: Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 18–28) и в монографии «Алексей Николаевич Оленин: опыт

дился не «при родителях», а при матери, поскольку Николай Яковлевич в эти годы служил в Петербурге, о чем будет сказано ниже[9]. Сомнительно и сообщение об отправке Алексея к княгине Е. Р. Дашковой, ибо в Петербурге в 1774 г. продолжал службу отец, и там же находилась матушка, родившая 9 сентября дочь Варвару[10].

Очень далекими оказались родственные связи Олениных с княгиней Е. Р. Дашковой, хотя А. А. Андро назвала ее даже тетушкой своего отца[11]. Сама Е. Р. Дашкова считала генерал-аншефа князя Михаила Никитича Волконского (1713–1786) дядей своего мужа М. И. Дашкова[12]. Однако столь близкой родственной связи по родословным этих фамилий обнаружить не удалось. По линии Волконских Михаил Никитич оказался пятиюродным (!) братом князя Федора Михайловича Волконского, который был дедом Анны Семеновны и прадедом Алексея Николаевича.

За границей А. Н. Оленин учился только в Артиллерийской школе, о чем свидетельствуют записи в его формулярных списках[13].

Вплоть до наших дней во всех энциклопедических изданиях авторы статей об А. Н. Оленине не выходили за рамки объема сведений или от М. И. Семевского, или от Н. И. Стояновского с повторением указанных ошибок[14]. И всё же даже очень лаконичные и не совсем точные сведения о недоросле Оленине должны были вызвать недоверие к Бурнашеву, однако легенда продолжала жить. Многие годы она использовалось С. Б. Рассадиным, порой — в содружестве с Б. М. Сарновым. В их изложении, предназначенном для детей школьного

науч. биогр». (СПб., 2006. С. 18) я ответил статьями «Первый директор Публички: к вопросу о подлинной дате рождения Алексея Оленина» (в газете: СПб. ведомости. 2014. 24 янв.) и «Когда же родился А. Н. Оленин?» (в кн.: Национальная библиотека. 2014. № 2 (02). С. 58–63).

[9] Ошибку Н. И. Стояновского закрепил в «Русском биографическом словаре» И. А. Кубасов (СПб., 1905. Т. 12. С. 215).

[10] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 76 (1774 г.). Л. 94 об. (Сообщил С. И. Афанасьев). В «Санкт-Петербургском некрополе» указана ошибочная дата рождения: 5 сент. 1771 г.

[11] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229.

[12] *Дашкова Е. Р.* Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1986. С. 36.

[13] РГВИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 36 б (1818 г.); РГБ НИОР. Ф. 211. Карт. 3627. Д. 4 (1838 г.). Сообщение Семевского об учебе А. Н. Оленина в Страсбургском университете позаимствовали: Энц. словарь. Изд-во Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 21-А. С. 868; Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., [1904]. Т. 14. Стб 374; Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 29. Стб 419.

[14] В том числе и в самых последних изданиях. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиогр. спр. СПб., 2011. С. 472–476; *Кружнов Ю. Н.* Олонины // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. СПб., 2005. Т. 2. Кн. 4 (М–О). С. 715–716; Большая Российская энциклопедия. Т. 24: Океанариум–Оясио. М., 2014. С. 92–93. В начальный период знакомства с биографией А. Н. Оленина я также указал на участие Н. Я. Оленина в воспитании сына до его отъезда в 1774 г. в Петербург, а также на учебу в Страсбургском университете. См.: *Тимофеев Л. В.* 1) Мнимый Митрофанушка // Лит. Россия. 1980. 18 янв. С. 16; 2) В кругу друзей и муз. С. 5, 7.

возраста, она больше походила на реальный исторический факт: «Кстати, говорят, что комедия Фонвизина имела и самое прямое действие. По мнению иных его современников, Митрофан был карикатурой на знакомого Фонвизину дворянского мальчика Алексея Оленина. И карикатура произвела на юного Оленина такое впечатление, что он набросился на учебу, учился в Страсбурге и Дрездене, стал одним из образованнейших людей России и даже президентом Академии художеств»[15]. Мнений иных современников, кроме Бурнашева, найти не удалось, а авторы сочинили сценарий радиопередачи для детей[16].

Нет, жизнь Алексея Оленина протекала в иной среде, а его матушка никак не походила на «баловницу» сына госпожу Простакову и держала своего первенца в «ежовых рукавицах». «Он очень хотел вступить в военную службу,— узнаем от А. А. Андро,— но бабушка задумала непременно поместить его при дворе и, чтобы разочаровать его в желании быть военным, она заставляла сына по несколько часов стоять с тяжелым ружьем на карауле, да еще по колено в снегу. До десяти лет батюшка оставался при родных под надзором гувернера-француза...»[17]

Действительно, в гувернерах оказался некий француз по фамилии Лестрад. Подписывался он непременно с предикатом «Де», подчеркивая этим свое дворянское происхождение — De Lestrade[18]. По будням четыре часа утром и столько же в послеобеденное время были отведены для занятий арифметикой, историей, географией, мифологией, языком и чтением по-французски, а также искусству танца, музыке и рисунку[19].

И в то же время мы не знаем, как относился мальчик к учебе, насколько качественно преподавались те или иные предметы. Гувернер-француз, т.е. Лестрад, «только и знал свою французскую литературу и правописание» и «кроме Вольтера и его развратных сочинений он не знал ничего другого»[20]. Но это мнение А. А. Андро, высказанное в преклонном возрасте.

В Пажеском корпусе в дополнение ко всем предметам домашнего образования «величайший невежда» должен был изучать русский язык, естествознание, военные науки, геральдику, генеалогию, а также юриспруденцию и государственный церемониал. Кроме современных иностранных языков воспитанники получали знания в латыни. Обучали мальчиков также фехтованию, верховой

[15] *Рассадин С. Б., Сарнов Б. М.* Рассказы о литературе. М.: Дет. лит., 1977. С. 40.

[16] *Рассадин С., Сарнов Б.* В стране литературных героев: [Сценарии цикла лит. радиопередач для школьников]. М.: Искусство, 1979. С. 85–95; *Рассадин С. Б.* 1) Фонвизин. М.: Искусство, 1980; 2) Сатиры смелый властелин: Книга о Д. И. Фонвизине. М.: Книга, 1985.

[17] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229. И Анна Алексеевна повторяет ошибку Н. И. Стояновского о пребывании в Москве обоих родителей до отъезда ее отца в 10-летнем возрасте в Петербург.

[18] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 602. Л. 3.

[19] Там же. Д. 349.

[20] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229, 230.

езде, танцам. До 18-летнего возраста и «появления» загадочного дяди-спасителя наш Митрофанушка успел отучиться шесть лет в Пажеском корпусе; пять лет в Артиллерийской школе, где по случаю выпуска из Пажеского корпуса он 6 августа 1783 г. получил чин капитана. Так что он не мог стать объектом внимания сатирика, чему и была посвящена в 1980 г. небольшая газетная публикация[21].

Парис Седов с этим не согласен, заявляя, что «за сто с лишним лет существования этой версии не раз делались попытки опровергнуть ее (кем и где? — *Л. Т.*), высказывалось мнение, что слухи об Оленине-Митрофанушке распускались недругами ученого». Кроме того, «круг воспитателей, хороших и плохих, "перекочевал" из семьи Олениных в семью Простаковых»[22].

Отмечая факт бедности данных о жизни Фонвизина и Алексея Николаевича «доприютинского периода» (земли под дачу приобретены в 1795 г.), автор полагает, что к версии Оленин — Митрофан «стоит присмотреться внимательно»: был ли он знаком с автором комедии до ее премьеры в 1782 г.?

Внимание П. Седова привлек Василий Алексеевич Аргамаков, женившийся в 1764 г. на сестре Д. И. Фонвизина: «Они вместе учились в гимназии при Московском университете. Аргамаков затем служил в лейб-гвардии Конном полку, где одним из эскадронов командовал отец Оленина. В те времена офицеры гвардейских полков составляли собой дружное и крепкое братство». По убеждению П. Седова, эта дружба продолжилась и в следующем поколении: «Нам, например, известно, что племянник Фонвизина, А. В. Аргамаков, офицер и поэт, всю жизнь оставался другом Алексея Николаевича Оленина, часто гостил у него в Приютине».

«Воспитался» же недоросль Алексей в доме своего дядюшки, князя Григория Семеновича Волконского. «По складу характера, взглядам и поведению,— сообщает автор,— это был воспитатель, как говорят, милостью Божьей; гармонично сочетались в нем образованность, добродушие и трезвый рассудок». В доме Волконских «наверняка бывали и Д. И. Фонвизин, и воспитанник Пажеского корпуса Алексей Оленин», и здесь, на Мойке, «писатель мог "сторожить природу", наблюдая за маленьким Алешей в домашних условиях».

В. А. Аргамаков действительно служил с отцом Алексея Николаевича в Конной гвардии[23], однако прежде учился он в Пажеском корпусе, а затем состоял в камер-пажах российского посла в Варшаве[24]. Однокашником Фонвизина по университету был его брат, П. А. Аргамаков[25].

---

[21] *Тимофеев Л. В.* 1) Мнимый Митрофанушка... С. 16; 2) В кругу друзей и муз... С. 5–8.

[22] *Седов П.* Вот тебе и Митрофанушка... // Лит. Россия. 1985. 28 июня, № 26. С. 2. Из контекста статьи видно, что она появилась в ответ на мои публикации.

[23] Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886. С. 66, 69.

[24] *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897. С. 34.

[25] Документы и материалы по истории Московского ун-та 2-й пол. 18-го в. Т. 1: 1756–1764. М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 82, 336.

О «продолжительной дружбе» А. Н. Оленина с «часто гостившим в Приютине» сыном В. А. Аргамакова нам ничего неизвестно. Что касается князя Г. С. Волконского, то он не удостоился столь лестной характеристики даже в материалах, собранных для его биографии княгиней Е. Г. Волконской. К тому же трудно предположить, что он мог влиять на воспитание своего племянника, находясь вдалеке от Москвы и Петербурга: сначала — в Речи Посполитой (1767–1768), затем на войне против турок (1769–1770; 1773–1774), позже — в Крыму, усмиряя татар (1776–1777)[26]. Вероятность же встреч Д. И. Фонвизина с маленьким Алексеем Олениным в доме на Мойке исключается: этот дом княгиня А. П. Волконская приобрела в 1806 г.[27] Д. И. Фонвизин давно уже находился в ином мире.

В 2002 г. появилась еще одна публикация на тему Митрофанушки-Оленина. По мнению автора, этот широко известный факт «до сих пор никем не оспорен». Далее следует компилятивный рассказ об Алексее Николаевиче и его гостеприимном доме, и членах его семьи с повторением всех отмеченных выше ошибок и своими дополнениями: выйдя в 1795 г. в отставку с военной службы, А. Н. Оленин «переехал (откуда?! — *Л. Т.*) с женой и двумя детьми в Петербург», где в числе друзей-писателей оказался и Денис Иванович Фонвизин![28]

Однако тема Оленина-Митрофанушки неожиданно обрела иной поворот.

Новый прототип Митрофанушки из Олениных. И кто же?

До декабря 1984 г. в архиве А. Н. Оленина, поступившем в Императорскую Публичную библиотеку более века назад, оставалось невостребованным читателями дело с выписками к родословной Олениных. В выписке челобитной от 24 июля 1756 г. Дмитрий и Николай Яковлевичи Оленины назвали себя учениками Московского университета[29].

В протоколе университетской Конференции от 26 февраля 1760 г. сообщалось, что «Дмитрий Аленин в университете 3 года, ничего не знает. Он уволился для поступления на службу». В протоколе от 18 мая 1762 г. отмечено, что «совсем уволился» и Николай Оленин[30]. Материалы по истории университета также засвидетельствовали одновременное обучение с Олениными братьев Дениса и Павла Фонвизиных.

После знакомства В. М. Файбисовича в июне 1999 г. с челобитной братьев Олениных появилась еще одна публикация на тему прообраза Митрофанушки.

[26] *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 702–706.

[27] *Седова Г. М., Солдатова Л. М.* Особняк на Мойке, 12. СПб.: Белое и черное, 1999. С. 53.

[28] *Поляков В. Е.* Тысячеискусник // Московский журнал. 2002. № 2. С. 7–11.

[29] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 5 об. В учениках числились дети, принятые в дворянскую гимназию, открытую при университете.

[30] Документы и материалы по истории Московского ун-та... С. 162–163, 248–249.

«Никто, кажется, не интересовался фигурой таинственного оленинского дяди-благодетеля,— стремится заинтриговать автор. — По отцовской линии дядей Алексея Николаевича был Дмитрий Яковлевич, старший брат его отца»[31]. На следующей странице: «Единственным дядей А. Н. Оленина по отцу был Дмитрий Яковлевич Оленин, уволенный из гимназии за полное отсутствие знаний. Невольно возникает вопрос: не он ли послужил прототипом Митрофанушки для своего бывшего соученика Дениса Фонвизина? Не с ним ли была изначально связана первооснова анекдота, безбожно искаженного в позднейшей передаче Измайлова–Бурнашева?» (с. 31).

Причина «искаженной первоосновы» — «очевидные анахронизмы», обнаруженные автором в сообщении Бурнашева: разговор в Летнем саду не мог состояться в 1832 г., так как А. Е. Измайлов умер 16 января 1831 г., а с 1826 и до марта 1829 г. он служил в Твери и Архангельске. К тому же «об обстоятельствах отрочества А. Н. Оленина» он мог узнать только по рассказам, поскольку был «на полтора десятка лет моложе Алексея Николаевича». Наконец, «предать гласности» эту легенду Бурнашев решился только через 31 год (после встречи с Измайловым или после его смерти? — *Л. Т.*), а потому «стоит ли удивляться недостоверности этого предания?» (с. 30).

Определив на роль Митрофана Дмитрия Оленина, В. М. Файбисович начал искать дядюшку среди Волконских, но тут же высказал сомнение в его способностях быть «благодетелем» племянника: «Единственным дядюшкой Алексея Николаевича Оленина по линии матери был знаменитый Григорий Семенович Волконский. Он был крестным отцом своего племянника, но о его сколько-нибудь заметной роли в становлении личности Алексея Оленина ничего неизвестно» (с. 32).

О существовании еще одного претендента на место дядюшки В. М. Файбисович нашел в записках В. А. Олениной об отце: «Двенадесяти лет (шестнадцати. — *Л. Т.*) его отправили в Дрезден под попечение дальнаго его родни К-зя Белосельскаго, которой был решительно ему отцом и возвратившись в Петербург продолжал всю жизнь» (sic!)[32].

В. М. Файбисович пояснил сказанное В. А. Олениной: речь идет о русском посланнике в Дрездене князе А. М. Белосельском, получившем «позднее право числиться дядюшкой Оленина», т.е. когда его дочь Зинаида вышла замуж за Никиту Григорьевича Волконского — двоюродного брата Алексея Николаевича (с. 32). «До настоящего времени,— отмечает автор,— никто не обращал

[31] *Файбисович В. М.* Еще раз о прототипе фонвизинского Недоросля // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 30. Далее отсылки на эту статью даются в основном тексте с указанием в скобках только страницы. В этот сборник вошла и сданная в 1999 г. моя статья «К родословной Олениных» (с. 7–17), в которой впервые были представлены выявленные в РНБ, РГИА и РГВИА рукописные материалы к биографиям Дмитрия, Николая и Алексея Олениных.

[32] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 877. Л. 80 об.

внимания на это свидетельство. Имя кн. А. М. Белосельского не упоминается ни одним биографом А. Н. Оленина, между тем кн. А. М. Белосельский, несомненно, сыграл значительную роль в становлении личности Оленина и формировании его художественно-исторических интересов» (с. 33).

Окончательный вывод — в сообщении Бурнашева «причудливо переплелись отголоски преданий о том, что прототипом Митрофанушки Фонвизину послужил незадачливый ученик университетской дворянской гимназии Дмитрий Оленин, дядюшка будущего директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств,— и слухов о благотворном влиянии, которое было оказано на юного Алексея Николаевича кн. Александром Белосельским» (с. 34).

В монографии, посвященной А. Н. Оленину, на роль Митрофанушки утвержден Дмитрий Оленин: «Возможно, “Недоросль” содержит аллюзии на Дмитрия Оленина, уволенного из гимназии полным невеждой после трех лет обучения. Имя Д. Я. Оленина, умершего за двадцать лет до премьеры знаменитой фонвизинской пьесы, ничего не говорило большинству зрителей; с годами молва приписала свойства незадачливого гимназиста его знаменитому племяннику».

Место просвещенного «дядюшки-благодетеля» занял князь А. М. Белосельский: «Можно полагать, что имя, невнятно произнесенное Измайловым и оставшееся загадкой для Бурнашева, обозначало князя Александра Михайловича Белосельского (1752–1809), впоследствии Белосельского-Белозерского»[33]. Встрече юного Оленина с будущим «дядей» за границей предшествовали «родственные и московские светские связи А. С. Олениной с князем». Они «позволяют предположить, что откомандированием в Дрезден Алексей Николаевич был обязан не столько вниманию Екатерины Великой, сколько хлопотам матери. Можно думать, что при назначении князя Белосельского посланником при Саксонском дворе Анна Семеновна заручилась его согласием взять на себя попечение об Алексее Оленине»[34].

Произошла также и корректировка сообщений Н. И. Стояновского, В. А. Олениной и А. А. Андро: «Можно предположить, что юный Оленин продолжал образование в Дрездене отнюдь не потому, что только здесь он мог стать первоклассным артиллеристом: если военное ремесло Оленину предстояло постигнуть в артиллерийской школе, то академией “словесных наук” мог с успехом послужить ему дом русского министра»[35].

Аргументы и домыслы В. М. Файбисовича также требуют «корректировки». «Анекдот» о Митрофанушке — А. Н. Оленине нам известен все-таки в изложении В. П. Бурнашева, а не А. Е. Измайлова. Разница в возрасте А. Н. Оленина и А. Е. Измайлова не имеет никакого значения. Ничего не изменилось бы, если

[33] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. С. 36.

[34] Там же. С. 42.

[35] Там же. С. 37.

они оказались одногодками. Детство А. Н. Оленина прошло в Москве, А. Е. Измайлова — в Петербурге, однако они были не только знакомы: баснописец был вхож в дом Олениных. 1 февраля 1824 г., например, он сообщал И. И. Дмитриеву об одном из визитов: «Крылов написал несколько новых басен. Я слышал только четыре, читанные им при мне у А. Н. Оленина»[36].

Не стоит сужать хронологические рамки возможной встречи в Летнем саду «уточненными» 1829–1830 гг. только потому, что ранее баснописец находился в Архангельске и Твери. Служба на посту вице-губернатора не могла препятствовать его поездкам в Петербург.

Для опровержения или поддержки «предания» факт временны́х ошибок также не имеет никакого значения. Да и критика упрекала Бурнашева в «недостоверности, хронологических и фактических неточностях, пристрастности»[37]. Единственное невыдуманное место в повествовании Бурнашева, на мой взгляд, это указание на его встречу с А. Н. Олениным в Летнем саду. С октября–ноября 1827 г. Алексей Николаевич жил в нескольких шагах от него, наняв на Дворцовой набережной дом у князя П. Г. Гагарина (ныне — Дворцовая наб., д. 10).

Сомнение в достоверности рассказанного Бурнашевым вызывает иное — наличие нескольких туманных мест: фамилию дядюшки Алексея Николаевича он не смог назвать оттого, что будто бы не расслышал ее; об имени «умного и просвещенного человека», подтвердившего позже рассказ Измайлова, он умолчал. Безымянным остался «один из наших академиков», который информировал этого «умного и просвещенного человека».

В изложении этого «предания» наблюдается обычный для автора прием ссылок на некие знакомые ему лица и на вымышленных «свидетелей»[38]. Дядей Алексея Оленина по отцу был не только «незамеченный биографами» новый прототип Митрофанушки в лице Дмитрия Оленина. Оказался забытым Семен Андреевич Батюшков, женившийся на тетке Алексея Оленина Прасковье

[36] *Измайлов А. Е.* Письма к И. И. Дмитриеву. 1816–1830 // Русский архив. 1871. № 7, 8. Стб 981.

[37] *Лепёхин М. П.* Бурнашев В. П. // Русские писатели. 1800–1917:. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 371.

[38] В другой публикации, сославшись на некоего Селифона Селифонтьевича, он сообщал, что Крылов жил у Олениных в Приютине в «особом домике, называемом Крыловскою кельею <...> В 1849 году, когда Приютино принадлежало доктору Ф. М. Адамсу, были еще следы этого домика, служившего сараем для картофеля». См.: [*Бурнашев В. П.*] Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякаго рода / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875. С. 208. М. И. Пыляев закрепил в сознании читателей существование «Крыловской кельи», дословно повторив эту выдумку. См.: *Пыляев М. И.* 1) Старый Петербург. Л.: Титул, 1990. С. 410; 2) Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Л.: Лениздат, 1996. С. 65. Театровед А. М. Брянский (1888–1942, псевдоним А. М. Попова), позаимствовал эти сведения и внес свою лепту: «Здесь для Крылова был отстроен специальный домик, где Олениным были предусмотрены все вкусы и привычки знаменитого баснописца. Домик этот в 40-х годах служил для ссыпки картофеля, а в 60-х годах снесен совершенно» (ОР РНБ. Ф. 106. Д. 20. Здесь жил Пушкин. 1937. Л. 8).

Яковлевне[39]. Забыты двоюродные братья отца: Иван, Виктор, Самойла (Самуил), Никанор, Платон, Дормидонт Михайловичи Оленины; мужья их сестер: Нимфадоры — Григорий Алексеевич Каховский и Екатерины — Федор Иванович Веселовский[40].

По линии матери забыты мужья ее родных сестер, а его теток: Марьи Семеновны — А. В. Римский-Корсаков, Натальи Семеновны — А. И. Хрущов, Александры Семеновны — Ф. И. Дмитриев-Мамонов, Екатерины Семеновны — П. Л. Ермолов[41].

Об участии Г. С. Волконского в крещении Алексея Оленина В. М. Файбисович не располагает никакими сведениями. Сообщение А. А. Андро — первоисточник для данного заявления — выглядит иначе: «За отсутствием князя Волконского воспринимал батюшку от купели какой-то монах».

В. М. Файбисович, будучи научным редактором и комментатором воспоминаний А. А. Андро, тогда высказал предположение, что это, «вероятно, Григорий Семенович Волконский»[42]. В статье о происхождении А. Н. Оленина, опубликованной в одном сборнике со статьей о Митрофанушке, он изложил иную версию: «Не исключено, однако, что в “Князе Волконском” следует видеть Михаила Никитича», потому что «вероятнее всего, кн. М. Н. Волконскому роль крестного была отведена как одному из главных участников переворота, отмеченному особой милостью императрицы»[43].

В итоге абсолютно ненужных для поисков «дяди-спасителя» попыток узнать имя несостоявшегося крестного отца появляется неутешительное заключение: «К сожалению, мы не располагаем столь верными сведениями о местонахождении в конце ноября 1763 г. (общепринятая дата рождения А. Н. Оленина. — *Л. Т.*) тех из кн. Волконских, в которых можно предполагать крестного отца Алексея Оленина — Михаила Никитича, Григория Семеновича и др.»[44]

Присутствуют эти бессмысленные поиски и в монографии В. М. Файбисовича: «возможно», это князь Г. С. Волконский; «вероятнее, однако», князь М. Н. Волконский, которого, «можно полагать, <...> пригласили в крестные как вельможу, отмеченного особой милостью императрицы»[45]. Надуманно

[39] Установлению родственных связей Олениных с Батюшковыми предшествовала служба Якова Илларионовича и Ивана Ивановича Олениных в Шляхетном кадетском корпусе, куда были зачислены на учебу братья Михаил и Семен Андреевичи Батюшковы.

[40] *Тимофеев Л. В.* От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003 / РАН. М.: Наука, 2004. С. 43, 44.

[41] *Волконская Е. Г.* Указ. соч. С. 750. В поколенной росписи женой А. И. Хрущова ошибочно названа не Наталия, а Анастасия; не указано, что П. Л. Ермолов состоял во втором браке.

[42] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229, 239 (прим. 22).

[43] *Файбисович В. М.* Николай Яковлевич или Матвей Федорович?.. С. 24–25.

[44] Там же. С. 25–26.

[45] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 20–21; 46 (прим. 74).

утверждение о «московских светских связях» Анны Семеновны Олениной с князем А. М. Белосельским, жизнь которого никак не была связана с первопрестольной.

Неувязка получилась и с зачислением князя в дядюшки А. Н. Оленина, так как он не успел породниться с бывшим подопечным ему в Дрездене воспитанником Артиллерийской школы, скончавшись за два года до бракосочетания (3 февраля 1811 г.) дочери Зинаиды с Н. Г. Волконским[46].

Сообщение В. А. Олениной о попечительстве князя над ее отцом имеет под собой основу, поскольку все находившиеся за границей российские студенты пребывали под опекой русских посланников.

Об одной из их обязанностей свидетельствуют повеления Екатерины II от 1 апреля 1782 и 31 января 1785 г. оплатить из сумм собственного Кабинета два векселя, предъявленные в Дрездене Белосельскому за содержание и обучение Оленина. В первом случае — пажа, во втором — уже капитана[47].

Аргументы в пользу влияния А. М. Белосельского на формирование эстетических вкусов и интересов «племянника» сведены В. М. Файбисовичем лишь к изложению биографии министра. О контактах между ними в Дрездене и в Петербурге — ни одного слова.

Н. И. Стояновский на основании архива Алексея Николаевича и сведений, полученных от В. А. Олениной, сообщил, где осваивались «словесные науки»: «Еще в Дрездене А. Н. изучал в королевской библиотеке сочинения об истории и древностях. “Изящныя произведения ваяния, живописи и архитектуры, по собственным словам Оленина, с юных лет его сильно на него действовали”, а упражнение в рисовании было его любимым занятием»[48].

Однако оставим в покое Алексея Николаевича и переключимся на его предков.

Знал ли мальчик Денис Фонвизин семью своих однокашников и ровесников Дмитрия и Николая Олениных?

Думаю, что не знал, поскольку со своими братьями, сестрами и родителями жил в Москве, а Олонины — в Смоленской губернии. Причем Дмитрий, Николай и Прасковья очень рано остались сиротами. Сначала умер Яков Ларионович. 1 февраля 1749 г. Устинья Федоровна просила Вотчинную коллегию записать за нею и детьми приобретенное мужем имение[49]. Она же в феврале 1750 г. доносила в Смоленскую губернскую канцелярию, что у нее имеются дети — Дмитрий 7-ми лет и Николай — 6-ти, которые и были представлены на первый смотр[50].

[46] *Волконская Е. Г.* Указ. соч. С. 716.

[47] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3897. Л. 100; Д. 3900. Л. 69. Эти документы подтверждают сообщение А. А. Андро о принятии императрицей на себя расходов по содержанию ее отца в Дрездене. См.: *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 230.

[48] *Стояновский Н. И.* Указ. соч. С. XVII.

[49] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 3 об.

[50] Там же. Л. 6 об.

На второй смотр дети из губерний должны были явиться в канцелярию Герольдмейстерских дел Московской сенатской конторы для определения «в военныя сухопутныя и морския службы, и в гражданскую, и в разныя школы, и по желанию отцев отпускают их в домы для обучения»[51]. Это произошло 15 февраля 1755 г., однако на этот смотр явил «внучатых племянников своих Дмитрия да Николая Яковлевых детей Алениных» И. И. Оленин.

В приложенной сказке он показал, что «от роду Дмитрию двенадцатой, Николаю одиннадцатой годы, грамоте Российской и писать обучены и начали обучать Арифметик <...> и желает он, Полковник Аленин, чтоб оных племянников ево для обучения Арифметики и Геометрии отпустить в дом за обязательством ево с пашпортами»[52].

Именно Иван Иванович Оленин (1724–?), командир Коломенского полка Московского гарнизона, принял на себя заботу о трех малолетних детях после смерти Якова Ларионовича. Именно он оказался в душеприказчиках их матери Устиньи Федоровны, составившей 25 мая 1756 г. духовное завещание, в котором она «отказала всё свое имение оным сыновьям, да из онаго же родной дочери своей Прасковье завещала...»[53] и т.д. Вскоре дети оказались полными сиротами. О смерти Устиньи Федоровны мы узнаем из челобитной ее детей от 24 июля 1756 г. с просьбой утвердить за ними всю недвижимость с крестьянами[54].

Казалось бы, дядя, командир полка, должен был определить внучатых племянников в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, в котором он сам некогда обучался, а потом и служил одновременно с их отцом. Выбрана же была открывшаяся в 1755 г. Дворянская гимназия при Московском университете, куда родители неохотно отдавали своих детей, опасаясь отставания в получении ими чинов от тех, кто проходил службу приписанными к полку.

18 мая 1756 г. ученикам и студентам университета была предоставлена особая привилегия, утвержденная Правительствующим Сенатом, согласно которой они одновременно с обучением числились в нижних чинах в одном из гвардейских полков: «Недоросли <...> которые были на смотру: первом в 7 лет, и втором в 12 лет и получили паспорты, могут быть приняты в университет и им дозволяется быть в университете до 16 лет, а смотря по склонности и до 20 лет <...> а чтобы они не могли чрез то потерять произведение

[51] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 11. № 8683. С. 740.

[52] История Московского университета (вторая пол. XVIII — нач. XIX в.): Сб. док-тов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и прим. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014. С. 658–659. В этой же сказке И. И. Оленин отмечает, что «оныя племянники ево на первой смотр явлены в 750 году в Марте м[е]с[я]це в Московской губернской Канцелярии <...> и для обучения Российской грамоте и писма отпущены до двенадцати лет с пашпортом, которыя приложили при сей скаске» (Там же).

[53] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 7 — 7 об.

[54] Там же. Л. 5 об.

(производство в следующий чин. — *Л. Т.*), оных в повышениях старшинством не обходить и произвождение им с прочими в тех командах чинить по указам»[55].

Уместно отметить, что жена И. И. Оленина, Екатерина Ивановна (1725–1788), была дочерью генерал-майора И. М. Шувалова-старшего (†1736) и двоюродной сестрой основателя и куратора Московского университета И. И. Шувалова[56]. Определив внучатых племянников в гимназию, И. И. Оленин позаботился и об их сестре, «порученной» ему «по духовной от матери ея». Прасковья была выдана замуж за полкового адъютанта Коломенского полка Семена Андреевича Батюшкова. 25 июля 1757 г. Батюшков выделенное Устиньей Федоровной приданное «всё сполна принял и по сей рядной подписал собственною своею рукою»[57].

Таким образом, Денис Фонвизин мог «наблюдать» своих сверстников Дмитрия и Николая Олениных только в стенах гимназии. Или в доме их дяди, полковника И. И. Оленина. Относительно «первоосновы анекдота» — того, что уволившийся из университета Дмитрий Оленин (1743–1762) дал повод соученику Денису Фонвизину для написания образа Митрофана, — выскажем сомнение.

Подобных ему персонажей в гимназии в первые годы ее существования было немало. За систематические пропуски, леность, отсутствие знаний отчислялись или покидали по своей воле новое учебное заведение многие соученики Дениса Фонвизина и братьев Олениных, о чем свидетельствуют протоколы университетской Конференции[58].

Увольнение 18 мая 1762 г. Николая Оленина (в числе девяти учеников) В. М. Файбисович объяснил необходимостью «вступить во владение оленинскими имениями» после смерти брата Дмитрия (с. 31). Однако это «вступление» имело место 3 мая[59]. До этого акта Николаю пришлось дважды «вступать во владение» без «увольнения»: 22 декабря 1756 г. после смерти матери и 26 марта 1762 г. при выкупе у своей сестры Прасковьи части имения, выделенного ей при замужестве[60].

В жизни 17-летнего ученика Николая Оленина (24.04.1744–05.03.1802) произошло событие, не отраженное в документах университета, но не забытое, как я думаю, его однокашником Денисом Фонвизиным: он женился! 30 мая 1761 г. был скреплен подписями свидетелей документ, определивший дальнейшую судьбу Н. Оленина: «Зговорил я, князь Семен, дочь свою родную девицу имяни Анну в замужество лейб-гвардии Преображенскаго полку за капрала Николая

[55] ПСЗРИ. Собр. второе. СПб., 1840. Т. 14. № 10558. С. 571–573.

[56] *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных. С. 10.

[57] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Д. 3478. Л. 59 — 62 об.

[58] Док-ты и материалы по истории Московского ун-та... С. 82, 311, 315, 367–368.

[59] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 10 — 10 об.

[60] Там же. Л. 7 об., 6 об.

Яковлева сына Аленина...» За засидевшейся в девицах дочерью, которая была на семь лет старше жениха-гимназиста, князь Семен Федорович Волконский дал «приданого золота и серебра, платьев и белья и протчева» на 4 тысячи рублей и еще добавил 6 тысяч на приобретение деревень[61].

У Д. И. Фонвизина Стародум завещает Софье, воспитаннице Простаковой, 10 тысяч рублей, и она начинает борьбу за богатую невесту для своего сына. Втянутый в эту борьбу Митрофанушка в итоге произносит ставшие крылатыми слова: «Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться!»

Публикуя сговорную в родословной Олениных, я отметил, что еще с указов Петра I недорослям, не получившим образования, не дозволялось жениться, пока не выучатся. Не он ли, товарищ Дениса Фонвизина по гимназии, позже стал прототипом Митрофанушки в комедии «Недоросль», вопреки устоявшейся версии об Алексее Николаевиче, его сыне?[62]

В. М. Файбисович с этим не согласен: «Однако и карьера Н. Я. Оленина в Конной гвардии, и его двукратное избрание предводителем дворянства Касимовского уезда предполагают известный светский и культурный ценз, который трудно совместить с образом фонвизинского Митрофана»[63]. Но еще труднее совместить с этим образом «известный светский и культурный ценз» Алексея Николаевича, о чем высказался еще в 1877 г. Л. Н. Трефолев.

Покинув в мае 1762 г. университет, капрал Николай Оленин явился к месту своей службы в л.-гв. Преображенский полк, в который был записан в 1757 г.[64] Затем был л.-гв. Конный полк, участие в 1774 г. волонтером в войне с турками и выход 1 января 1777 г. в отставку в чине полковника армии[65].

По словам А. А. Андро, «жил он больше в деревне, в Рязанской губернии, селе Салауре, живописно расположенном при трех огромных озерах, и очень любил свое уединение»[66]. Анна Семеновна предпочитала деревне Москву, где у Николая Яковлевича было два дома[67].

Итак, легенда об А. Н. Оленине как прототипе Митрофанушки, сочиненная или пересказанная В. П. Бурнашевым, появилась на реальном, документально подтвержденном факте совместного обучения братьев Дмитрия и Николая Олениных с Денисом Фонвизиным в стенах Московского университета. Как отме-

[61] РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Д. 122. Первая публикация: *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных... С. 11.

[62] *Тимофеев Л. В.* От Парфения (Родословная Олениных). С. 16.

[63] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 49 (прим. 63).

[64] РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Д. 1048. Л. 2.

[65] Полный список шефов, полковых командиров... С. 69.

[66] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 228. Добавлю: в 1781 и 1788 гг. избирался предводителем дворянства Касимовского уезда, в котором находилось село Салаур.

[67] *Туркистанов Н.* Московский адрес-календарь на 1792 год. Списки домовладельцев. СПб., 1898. С. 39; Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы... М., 1793. Ч. 2. С. 111 (ошибочно указан как Оленев), 113.

тил В. М. Файбисович, «с годами молва приписала свойства» недоучившегося гимназиста его знаменитому сыну Алексею Николаевичу Оленину.

А Алексей Николаевич однажды вспомнил о Митрофанушке. В отзыве на доклад академика Ф. И. Круга по поводу издания русских летописей он отметил репликой то место, где академик «жалуется, что он хотя холост, но не может жить 1400 рублями и для того только и не желает жениться, хотя сие есть его искреннейшее желание»: «“Не хочу учиться, хочу жениться”, — говаривал бывало Митрофан Простаков»[68].

В заключение добавим, что, несмотря на многолетние усилия С. Б. Рассадина и Б. М. Сарнова поддержать версию В. П. Бурнашева об Алексее Оленине — Митрофанушке — с благородной целью воспитания подростков, — современные представители образования и науки предложили школьникам в прототипы Митрофана «некоего барчука, проживавшего в окрестностях Ярославля»[69].

References

Annenkov I. V. Istorija leyb-gvardii Konnogo polka. Cz. 3. SPb., 1849.

Burnashev V. P. Nashi chudodei. Letopis' chudachestv i ekscentrichnostey vsyakogo roda. SPb., 1875.

Burnashev V. P. Predanie o tom, kto byl originalom «Mitrofanushki» Fonvisina // Illustraziya. 1861. T. 7. N 158. S. 126.

Dashkova E. R. Zapiski. 1743–1810. L.: Nauka, 1986.

Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta 2-j poloviny XVIII v. T. 1: 1756–1764. M.: MGU, 1960.

Fajbisovich V. M. Aleksey Nikolaevich Olenin: Opyt nauchnoj biografii. SPb., 2006.

Fajbisovich V. M. Eshhe raz o prototipe fonvizinskogo Nedoroslya // Priyutinskiy sbornik. II. SPb., 2001. S. 29–34.

Fajbisovich V. M. Nikolaj Yakovlevich ili Matvej Fedorovich? (Obstoyatel'stva rozhdeniya A. N. Olenina) // Priyutinskij sbornik. II. SPb., 2001. S. 18–28.

Frejman O. R. Pazhi za 185 let. Fridrichsgam, 1897.

Istoriya Moskovskogo universiteta (2-ja polovina XVIII — nachalo XIX veka): Sb. dokumentov. T. 3: 1757. M.: Academia, 2014.

Izmajlov A. E. Pis'ma k I. I. Dmitrievu // Rus. Arkhiv. 1871. N 7, 8. Stb 961–1014.

Kochetkova N. D. Fonvizin v Peterburge. L.: Lenizdat, 1984.

Kubasov I. Olenin Aleksej Nikolaevich // Russkij biograpficheskij slovar'. SPb., 1905. T. 12 [Obez'janiniov–Ochkin]. S. 215–224.

Lepekhin M. P. Burnashev V. P. // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficzeskij slovar'. M., 1989. S. 370–372.

Medvedev I. P. Kriticheskie zametki A. N. Olenina na zapisku akademika F. I. Kruga o proekte izdanija russkikh letopisej // Krugi vremen: V pamjat' E. K. Romodanovskoj. M.: Indrik, 2015. T. 2. S. 483–494.

Mitrofan Terent'evich Prostakov (Mitrofanushka) // Vse geroi proizvedenij russkoj literatury: Slovar'-spravochnik. M.: Olimp, 1997.

Olenina A. A. Dnevnik. Vospominanija. SPb.: Akadem. proekt, 1999.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1. SPb., 1830. T. 11.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2. SPb., 1840. T. 14.

Polnyj spisok shefov, polkovych komandirov i ofizerov Leyb-gvardii Konnogo polka s 1763 po 1886 g. SPb., 1886.

[68] Цит. по: *Медведев И. П.* Критические заметки А. Н. Оленина на записку академика Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей // Круги времен: В память Е. К. Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 489.

[69] Митрофан Терентьевич Простаков (Митрофанушка) // Все герои произведений русской литературы: Словарь-справочник. М.: Олимп, 1997. С. 153.

Polyakov V. E. Tycyacheiskusnik // Moskovskiy zhurnal. 2002. N 2. S. 7–11.
Pylyaev M. I. Staryj Peterburg. L.: Titul, 1990.
Pylyaev M. I. Zabytoe proshloe okrestnostej Peterburga. SPb.: Lenizdat, 1996.
Rassadin S. B. Fonvizin. M.: Iskusstvo, 1980.
Rassadin S. B. Satiry smelyj vlastelin: Kniga o Fonvizine. M.: Kniga, 1985.
Rassadin S. B., Sarnov B. M. Rasskazy o literature. M.: Det. lit-ra, 1977.
Rassadin S. B., Sarnov B. M. V strane literaturnykh geroev. M.: Iskusstvo, 1979.
Sedov P. Vot tebe i Mitrofanushka... // Lit. Rossija. 1985. 28 iyunya. N 26.
Sedova G. M., Soldatova L. M. Osobnyak na Mojke, 12. SPb.: Beloe i chernoe, 1999.
Semevskij M. I. Aleksej Nikolaevich Olenin. 1763–1843 // Rus. starina. 1875. T. 14. N 10. S. 280–283.
Shilov D. N. Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshich i zentral'nych uczrezhdenij. 1802–1917: Bibliogr. ukaz. SPb., 2011.
Stoyanovskij N. I. Ocherk zhizni Alekseya Nikolaevicha Olenina // Arkheologicheskie trudy A. N. Olenina. SPb., 1881. T. 1. S. XV–XXIX.
Timofeev L. V. K rodoslovnoj Oleninykh // Priyutinskij sbornik. N 2. SPb., 2001. S. 7–17.
Timofeev L. V. Kogda zhe rodilsya Olenin? // Nazional'naya biblioteka. 2014. N 2 (02). S. 58–63.
Timofeev L. V. Mnimyj Mitrofanuchka // Lit. Rossiya. 1980. 18 yanv.
Timofeev L. V. Ot Parfeniya (Rodoslovnaya Oleninych) // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Ezhegodnik — 2003. M.: Nauka, 2004. S. 7–63.
Timofeev L. V. Pervyj director Publichki: K voprosu o podlinnoj date rozhdeniya Alekseya Olenina // SPb. vedomosti. 2014. 24 yanv.
Timofeev L. V. V krugu druzej i muz. Dom A. N. Olenina. L.: Lenizdat, 1983.
Trefolev L. N. Yaroslavl' pri imperatrize Elizavete Petrovne // Drevnyaya i novaya Rossiya. 1877. N 3. S. 255–302.
Vazuro V. E. Pomety Pushkina na knige Vyazemskogo // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1964. L.: Nauka, 1967. S. 17–20.
Volkonskaya E. G. Rod knyazej Volkonskikh. SPb., 1900.
Vyazemskij P. A. Fon-Vizin // Vyazemskij P. A. Estetika i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, 1984. S. 188–230.

Список литературы

Анненков И. В. История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 3. СПб., 1849.
Бурнашев В. П. Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякаго рода / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875.
Бурнашев В. П. Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина / Подп.: Петербургский старожил // Иллюстрация. 1861. Т. 7. № 158, 23 февр. С. 126.
Вацуро В. Э. Пометы Пушкина на книге Вяземского // Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л.: Наука, 1967. С. 17–20.
Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.
Вяземский П. А. Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 188–230.
Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1986.
Документы и материалы по истории Московского университета 2-й пол. XVIII в. Т. 1: 1756–1764. М.: Изд-во МГУ, 1960.
Измайлов А. Е. Письма к И. И. Дмитриеву // Рус. архив. 1871. № 7, 8. Стб 961–1014.
История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): Сб. док-тов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и прим. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014.
Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984.
Кубасов И. А. Оленин Алексей Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12 [Обезьянинов–Очкин]. С. 215–224.
Лепёхин М. П. Бурнашев В. П. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 370–372.
Медведев И. П. Критические заметки А. Н. Оленина на записку академика Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей // Круги времен: В память Е. К. Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 483–494.

Митрофан Терентьевич Простаков (Митрофанушка) // Все герои произведений русской литературы: Словарь-справочник. М.: Олимп, 1997.

Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб.: Академ. проект, 1999.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 11.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1840. Т. 14.

Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886.

Поляков В. Е. Тысячеискусник // Московский журнал. 2002. № 2. С. 7–11.

Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Лениздат, 1996.

Пыляев М. И. Старый Петербург. Л.: Титул, 1990.

Рассадин С. Б. Сатиры смелый властелин: Книга о Д. И. Фонвизине. М.: Книга, 1985.

Рассадин С. Б. Фонвизин. М.: Искусство, 1980.

Рассадин С. Б., Сарнов Б. М. В стране литературных героев: [Сценарии цикла лит. радиопередач для школьников]. М.: Искусство, 1979.

Рассадин С. Б., Сарнов Б. М. Рассказы о литературе. М.: Дет. лит., 1977.

Седов П. Вот тебе и Митрофанушка... // Лит. Россия. 1985. 28 июня, № 26.

Седова Г. М., Солдатова Л. М. Особняк на Мойке, 12. СПб.: Белое и черное, 1999.

Семевский М. И. Алексей Николаевич Оленин. 1763–1843 // Рус. старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 280–283.

Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1. СПб., 1881. С. XV–XXIX.

Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983.

Тимофеев Л. В. К родословной Олениных // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 7–17.

Тимофеев Л. В. Когда же родился А. Н. Оленин? // Национальная библиотека. 2014. № 2 (02). С. 58–63.

Тимофеев Л. В. Мнимый Митрофанушка // Лит. Россия. 1980. 18 янв.

Тимофеев Л. В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003 / РАН. М.: Наука, 2004. С. 7–63.

Тимофеев Л. В. Первый директор Публички: к вопросу о подлинной дате рождения Алексея Оленина // СПб ведомости. 2014. 24 янв.

Трефолев Л. Н. Ярославль при императрице Елизавете Петровне // Древняя и новая Россия. 1877. № 3. С. 255–302.

Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006.

Файбисович В. М. Еще раз о прототипе фонвизинского Недоросля // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 29–34.

Файбисович В. М. Николай Яковлевич или Матвей Федорович? (Обстоятельства рождения А. Н. Оленина) // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 18–28.

Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиогр. спр. СПб., 2011.